

Известия - 1993 - 11 дек. - с. 7
Жан МАРЕ:

Я счастливый человек, потому что всю жизнь думал только о себе

Старейший французский актер отмечает свой юбилей на сцене парижского театра, где он — вместе с другой замечательной актрисой Мишель Морган — многие месяцы продолжает играть в пьесе Жана Кокто «Священные монстры». Накануне этой даты Жан Маре принял в своей квартире, расположенной на Монмартре, репортеров журнала «Пари-матч».

— Что значит для вас этот юбилей?

— Мне от него ни холодно, ни жарко. Вам даже трудно представить себе, до какой степени мне это безразлично. Сегодня — 80. Завтра — больше. Мой юбилей розным счетом для меня ничего не значит.

— Однако вы все-таки рады тому, что в крепком здравии встречаете 80-летье?

— Я понимаю, что это, конечно, привилегия, и очень этим доволен. Я должен все дни благодарить Господа Бога за то, что по-прежнему живу и не умер молодым. Когда стареешь, самое печальное заключается в том, что уходят люди, которых ты любишь.

— Однако по своему темпераменту вы не склонны к печали или к меланхолии?

— Ни в коем случае! Все знают, что я обожал Жана Кокто. Он умер. Но о нем — по радио, на телевидении — говорят каждый день... Проблема существования заключается в том, что постоянно сталкиваешься с различными драмами. Поэтому так важно стремиться быть как можно менее несчастным. Вот и моя цель в жизни всегда заключалась в том, чтобы стать человеком счастливым. И мне удалось достичь ее благодаря своему эгоизму, а также тому, что я никогда не думал ни о ком, кроме самого себя.

— Вам не кажется, что вы немного сгущаете краски? Вас все так любят...

— Я знаю, что люди испытывают ко мне симпатию, и в этом вижу вопиющую несправедливость, которой не перестаю пользоваться. Я никогда ничего не сделал для того, что-

бы меня любили. Помню, что впервые увидел моего отца — мне тогда было 45 лет — за неделю до его смерти. Он умирал от рака предстательной железы. Целый шкаф в его комнате был забит посвященными мне статьями и документами. Я спросил отца, не стыдно ли ему за своего сына. На что он ответил: «Нет, потому что ты сделал все, чтобы тебя любили».

— С какой же стати вашему отцу было бы за вас стыдно?

— Потому что он был буржуа, ветеринаром в Шербуре, а я — актером. Мою личную жизнь расписывали все газеты. К тому же у меня было множество недостатков. Словом, я был настоящим монстром.

— Вы с тех пор исправились?

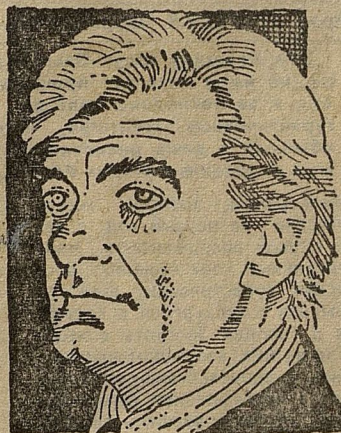
— Да, избавился от некоторых моих недостатков. Но не потому, что стремился к добродетели, а потому, что хотел быть счастливым. Совсем юным, с 10-летнего возраста, я подавил в себе все свои недостатки, за которые мне бы пришлось краснеть.

— Какие же именно?

— Прежде всего страх. Затем лживость. Я был больше, чем лжецом, безудержным фантазером. С тех пор я понял, что в каждодневной жизни правда гораздо удобнее, чем ложь. Затем поборол в себе гордость и большие претензии. И все это, повторяю, не во имя морали, а для того, чтобы обрести счастье.

— Обрести счастье?

— Разумеется! Только оно меня интересует. Я оставался бы счастливым, окажись клошаром, живущим под мостом. Меня совершенно не интересуют материальные блага.

— Что бы вы нам о себе ни говорили, в жизни и на экране вы похожи на настоящего героя...

— Но я был героем только в кино и никогда — в жизни!

— Несмотря на ваши годы, вы остаетесь вечно молодым человеком. И всегда им останетесь...

— Это потому, что у меня отличное здоровье.

— И также потому, что в свое время вы были воплощением красоты...

— С этим мне трудно согласиться. Когда рассматриваю свои фотографии, на которых я запечатлен молодым человеком, мне кажется, что в то время по крайней мере сотня юношей были красивее меня. Я никогда не считал себя уродом. Но красота для меня означала нечто другое. Вместе с тем я принимаю ваши слова как некую фатальность, ибо знаю, что мне чертовски повезло.

— И продолжает везти.

— После Парижа мы с Мишель Морган с пьесой «Священные монстры» отправимся на гастроли в провинцию. Затем я хотел бы сыграть в другой пьесе Жана Кокто — «Рыцари круглого стола», которую поставит кто-нибудь другой, моложе меня. Наконец, я собираюсь сниматься в кино в «Отверженных» в постановке Клода Лелуша, где сыграю роль епископа Мириэля. И, разумеется, снова займусь живописью и керамикой у себя дома — в городке Валлоприсе. В общем, я собираюсь и в дальнейшем себя развлекать.

— Вы находите развлечение в работе. Что побуждает вас играть столько ролей и создавать столько произведений? Жажда себя увековечить?

— Мне ровным счетом наплевать на то, что будут думать обо мне грядущие поколения!

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия».

ПАРИЖ.